СВѢТИЛЬНИКЪ

СЕРДЦА.

изд. вторично П. Б.

Въ Санктпетербургѣ,

печатано съ дозволенїя Указнаго

1787 года.

Благо будучи по существу своему неизмѣнно, должно быть таковымъ же и во глубинѣ сердецъ нашихъ, какъ и во внѣшнихъ дѣйствіяхъ; и если истинно, что доброта нравственная сходствуетъ съ нашею природою, то человѣкъ неинако можетъ почитаться здравомыслящимъ, какъ тогда когда онъ добръ, буде же нѣтъ и онъ по естеству свое-

му дѣйствительно золъ, то доброта въ немъ нечто иное должна быть, какъ порокъ природы, и тотъ кто исполненъ благости, неможетъ въ семъ случаѣ признаваемъ быть инымъ какъ подобнымъ смирному и незлобному а по тому и уродливому волку, и въ немъ добродѣтель долженствовала бы всегда терзать внутренности его. Но испытаемъ безъ всякаго предубѣжденія, къ чему влекутъ насъ наши склонности, и какое зрѣлище

для насъ вожделѣннѣе, несчастїе ли или счастїе другаго? что намъ веселѣе дѣлать, зло или добро? что послѣ того пріятнѣе, впечатлѣнїе ли благости или злобы? что болѣе нравится на позорищахъ, дѣла ли жестокости и свирѣпости, или дѣла кротости и милосердїя? и что изторгаетъ у насъ слезы радости и слезы скорби? Скажутъ нѣкоторые, все для насъ равно, что къ нашей пользѣ непринадлежитъ; но сїе изрекутъ они при-

творно и токмо тогда, когда другїе люди, съ коими они имѣютъ связь, противно о томъ думаютъ. Человѣколюбїе утѣшаетъ насъ въ нашихъ несчастїяхъ и мы были бы весьма бѣдны въ самыхъ забавахъ своихъ, если бы немогли съ кѣмъ оныхъ раздѣлять. Если нѣтъ благости въ сердцѣ человѣка, то отъ чего изъявляетъ онъ радованїе свое при воззрѣнїи на дѣйствїя добродѣтели, и отъ чего родится въ немъ тогда нѣкоторой во-

сторгъ, неимѣющій никакого отношенія къ частной его пользѣ? Для чего желалъ бы я быть лучше Катономъ внутренности свои раздирающимъ нежели торжествующимъ Кесаремъ? Изтреби изъ сердецъ нашихъ любовь и приверженность ко благу, изтребишъ и всю пріятность жизни. Тотъ, въ коемъ подлыя страсти потушили всѣ нѣжныя чувствія и который заключилъ всего себя въ себѣ одномъ, неимѣетъ болѣе никакихъ во-

схищеній, хладное его сердце невоспламеняется уже внутреннимъ удовольствіемъ, ланиты его неорошаются слезами радости, онъ ничемъ ненаслаждается, ко всему безчувственъ и всюду являетъ себя мертвымъ. — Но коль ни велико число злыхъ на земли, однако же мало есть такихъ, которые содѣлались совсѣмъ нечувствительны ко благу и истинѣ. Собственная польза неослѣпляетъ ихъ толико, что бы они неразличали

худаго отъ добраго и справедливаго отъ несправедливаго. Мы всегда почти желаемъ, что бы невинный былъ защищенъ, и если увидимъ гдѣ какое насилїе или обиду, вдругъ родится въ сердцѣ нашемъ движенїе, побуждающее насъ защищать угнѣтаемаго; напротивъ того дѣянїе человѣколюбїя производитъ въ насъ удовольствїе и склонность къ подражанїю. Какая нужда для насъ въ томъ, что нѣкоторый человѣкъ былъ золъ или добръ

за дѣ тысячи лѣтъ предъ симъ, однако же беремъ такое участïе въ дѣлахъ его, какъ будто бы онѣ совершались предъ нашими очами. Пороки Капилины неимѣютъ ко мнѣ никакого отношенïя и я отнюдь немогу опасаться быть жертвою оныхъ; при всемъ томъ имѣю къ сему извергу такое отвращенïе, какъ бы онъ былъ мой современникъ. Мы нетолько ненавидимъ злыхъ по тому что они намъ вредятъ, но и по тому, , что они

злы. Нерѣдко соболѣзнуемъ противъ воли почти своей о несчастныхъ и будучи токмо свидѣтелями ихъ злополучїя, терпимъ нѣкоторымъ образомъ оное съ ними вмѣстѣ. Самые развратные неотчуждены отъ сего : грабитель обнажающій путниковъ покрываетъ наготу бѣднаго а разбойникъ поддерживаетъ человѣка падающаго въ разслабленїе. — Первое изъ всѣхъ нашихъ попеченїй есть попеченїе о самомъ себѣ; но сколь многократ-

но вѣщаетъ намъ внутренній гласъ, что мы дѣлая себѣ добро на щетъ другаго, дѣлаемъ зло? Мы внимая тому, что внушаетъ природа нашимъ чувствамъ, презираемъ иногда то, что она говоритъ нашему сердцу. Разумъ весьма часто обманываетъ насъ, но совѣсть никогда намъ неизмѣняетъ. Будучи истинной стражъ человѣка, она есть для души то, что побужденіе для тѣла; кто слѣдуетъ ей, тотъ повинуется природѣ и неопа-

сается заблужденія. Небесный и безсмертный гласъ, вѣрный стражъ существа слабаго но разумнаго и свободнаго; истинный судія добра и зла! ты составляешъ нравственность и превосходство его дѣйствій, безъ тебя онъ нечувствуетъ въ себѣ ничего, что бы могло возвышать его предъ прочими тварями, кромѣ печальной отличности заблуждаться изъ погрѣшности въ погрѣшность. — Но если гласъ совѣсти есть гласъ

природы, то для чего столь мало оному внемлютъ? для того, что много уклонились отъ природы и устремились на превращеніе ея устава. Обратимъ очи свои на всѣ племена земныя и пройдемъ всѣ вѣки; мы увидимъ, что между неисчетнымъ множествомъ ужасныхъ богослуженій и между удивительною разностію нравовъ и обычаевъ, всюду однѣ и тѣже понятія о правдѣ и неправдѣ и о добрѣ и злѣ. Познаніе и

любовь блага имѣютъ великое между собою различїе. Человѣкъ неимѣетъ объ ономъ врожденного понятїя, но какъ скоро разумъ сдѣлаетъ ему его извѣстнымъ, совѣсть немедлѣнно заставляетъ оное любить. Помощїю одного разума неможно утвердить никакого закона и все естественное право есть ничто, если неосновано въ сердцѣ на естественной же необходимости. Сїе самое правило: „поступать съ другими

такъ, какъ хотимъ, что бы съ нами поступали, „ неимѣетъ инаго истиннаго основанїя, какъ токмо совѣсть и чувствіе; ибо гдѣ находится настоящая причина поставлять себя на мѣстѣ другаго и поступать съ нимъ такъ, какъ бы я хотѣлъ, что бы со мною поступали? и кто можетъ быть въ томъ порукою, что я слѣдуя точно сему правилу заслужу, что и со мною такъ же поступать будутъ? Злодѣй получаетъ прибыль

отъ честного, и онъ бы желалъ, что бы всѣ были искренны, правдивы и милосерды кромѣ его одного. Когда я вхожу въ состоянїе ближняго своего безъ всякаго пристрастїя и дѣлаясь чрезъ то тѣмъ же самимъ, что и онъ, чувствую въ немъ такъ сказать самого себя, то и нехочу видѣть его въ несчастїи по тому, что самъ въ ономъ быть нежелаю и беру въ немъ участїе по любви къ самому себѣ, чему причина обрѣтается въ

самой природѣ, вдыхающей во мнѣ желанїе благосостоянїя, въ какомъ бы мѣстѣ я быть ни думалъ. Отсюда же слѣдуетъ, что правила закона естественнаго неоснованы на одномъ разумѣ, но имѣютъ основанїе гораздо тверже и безопаснѣе. Любовь къ человѣкамъ произшедшая отъ любви къ самому себѣ есть начало и основанїе человѣческїя правды. Въ мудромъ человѣкѣ вѣчные природы и порядка уставы занимаютъ мѣсто поло-

жительного закона; въ нѣдрѣ его сердца написаны они совѣстїю и разумомъ, и дабы быть свободнымъ, должно имъ себя подвергать; ибо тотъ токмо одинъ рабъ, кто творитъ зло, возлагающее всегда на самаго его оковы смущенїя. Свобода истинная непривязана ни къ какому образу правленїя, она находится въ сердцѣ каждаго добродушнаго человѣка, который вездѣ оную съ собою носитъ, такъ какъ подлый и коварный рабство.